

1

Вера

Вера Вонг Чжучжу родилась свиньей, хотя в действительности больше походила на петуха. По китайскому гороскопу, конечно же. Вера Вонг, по счастью, женщина шестидесяти лет, и все же никакому петуху с ней не сравниться. Каждое утро, ровно в половине пятого, ее веки поднимаются, точно жалюзи, после чего туловище принимает вертикальное положение. Лениво сползать с постели — это не для Веры, однако стоит признать, что с некоторых пор подъем стал сопровождаться шелканьем и похрустыванием суставов. Далее она лихо опускает ноги в махровых носках на пол и попадает точно в тапочки, которые с армейской точностью поставила около кровати еще накануне вечером. Затем несколько мгновений уходит на то, чтобы отправить сыну сообщение с напоминанием, что он проспит всю жизнь и должен был встать раньше. В конце концов, он молодой мужчина, которому предстоит завоевать весь мир. А по утрам, как уверена Вера, долго спят лишь маленькие дети и европейцы.

Быстро умывшись, Вера облачается в свою утреннюю форму: поло с логотипом Ральфа Лорена такого размера, что он целиком закрывает ее левую грудь (вернее, верхнюю половину левой груди, спасибо времени и гравитации) и спортивные брюки. Наружавники она натягивает таким образом, чтобы между рукавами

поло и краями манжет не осталось ни малейшего зазора, оголяющего кожу. Много лет назад, будучи молодой и дерзкой, Вера никогда не следила за этим зазором, и нередко на предплечьях появлялась полоска загара. Конечно, то были безумные деньки, когда Вера жила, не оглядываясь на риски и опасности.

Приладив манжеты, Вера кивает своему отражению и шагает на кухню, где выпивает пинту воды комнатной температуры, так как холодная вода, по убеждению Веры, может заморозить жиры в артериях и привести к сердечным заболеваниям. У дверей Вера надевает ортопедические кроссовки, солнцезащитные очки в черепаховой оправе, а в довершение, вероятно, самый важный предмет одежды — козырек, до того широкий, что отсекает все солнечные лучи, оберегая лицо от появления веснушек и морщин. Затем, не оглядываясь, Вера выходит в мир.

И все это без единого звонка будильника. В самом деле, Вере следовало бы родиться Петухом, но нет, она Свинья. И, вероятно, с этого и начались все беды.

* * *

Согласно китайскому гороскопу Свиньи трудолюбивы, отзывчивы и всегда готовы помочь мудрым советом. К сожалению, редко кто просит у Веры доброго совета. Или даже не вполне доброго. А единственный, кому бы следовало постоянно обращаться к ней за советом, — родной сын Тилберт — этого никогда не делает. И Вера никак не возьмет в толк почему. Когда ее родители были живы, она часто приходила к ним за советом, даже если не нуждалась в нем, потому что, в отличие от сына, воспитывалась по принципу китайской добродетели* и знала, что, обращаясь к родителям за советом, давала им почувствовать себя

* Один из главных принципов воспитания детей в Китае. Заключается в том, что дети должны уважать старших. Даже будучи взрослыми, китайцы очень ценят мнение родителей. Это касается буквально всего — от поиска работы до выбора спутника жизни. Уважение к старшим прививается с младенчества, о нем говорят в школе, пропагандируют через СМИ.

нужными. Ничего, Вера заботливая мать и приложит все силы, чтобы Тилли получил все необходимые в жизни советы. Она шлет ему сообщения примерно такого содержания:

Отправлено вчера в 4.31

Тилли, ты проснулся? Уже 4.31, очень поздно. В твоём возрасте я вставала в 4 каждое утро, чтобы приготовить завтрак для папы и мамы. Чи лаи!* Лови момент! Carpe diem! Целую, Мама.

Отправлено вчера в 19.45

Тилли, я заметила, что эта девушка @NotChloeBennet лайкнула ДВА твоих видео в «ТикТоке»! Думаю, ты ей нравишься. Я посмотрела ее профиль, и она слишком много дуёт губы, но, думаю, будет хорошей женой. На прошлой неделе она ходила с мамой на маникюр, значит, она хорошая дочь. Думаю, тебе нужно постучаться к ней в директ. Целую, Мама.

Вере особенно понравилось «постучаться к ней в директ», потому что она старается следить за трендами и не отставать от молодого поколения. Всякий раз, столкнувшись с непонятным выражением, она ищет его в Google и записывает значение в свой маленький блокнот.

Отправлено вчера в 17.01

Тилли, сейчас 17.00, надеюсь, ты поужинал. Твой дядюшка Лиин ужинал в 19 часов каждый вечер и не дожид до тридцати. Лучше поужиной сейчас же. Целую, Мама.

На этот раз Тилли ответил.

Тилли: Дядюшка Лиин попал под автобус. И я просил не называть меня Тилли. Берт лучше.

Вера: Не перечь старшим. Я не так тебя воспитывала. И что не так с Тилли? Хорошее имя, мы с папой долго и усердно думали, как тебя назвать, ты должен это ценить.

* Подъем! (*kit.*)

Тилли снова замолчал. Ну да ладно. Сейчас ей не до упрямого сына. Вера готова приступить к утренней ходьбе, а утренняя ходьба — дело нешуточное. Многие в ее возрасте сетуют на дубовые связки и негнущиеся суставы, но Вера садится на корточки без особых трудностей и может в наклоне дотянуться кончиками пальцев до кроссовок. Подростком Тилли наблюдал за ее разминкой в крайнем смятении и умолял делать это хотя бы дома, а не у всех на виду. Но правильная разминка возможна только на свежем воздухе, и вообще, Тилли следовало бы гордиться тем, что его мать подает такой хороший пример соседям.

Как следует разогревшись, Вера принимает исходную позицию для ходьбы: подбородок вверх, грудь вперед, локти перпендикулярно туловищу. Затем она пускается шагом, рассекая кулаками воздух с энтузиазмом северокорейского солдата на параде. Утреннюю прогулку Веры можно назвать не иначе как энергичной. Она как генерал на тропе войны, безжалостно подминающий под себя мили. Каждый, кому хватает глупости оказаться у нее на пути, натывается на ее обжигающий взгляд (неразличимый под темными очками и козырьком), но Вере нравится лавировать между прохожими, поскольку это дает возможность испытать свою ловкость и скорость рефлексов.

В прошлый день рождения Тилли подарил ей умные часы, которые умеют отсчитывать шаги, но Вера не видит в этом пользы. Она и так знает в точности, сколько шагов составляет ее прогулочный маршрут от дома на пересечения Трентон и Пасифик и далее по Вашингтон, где готовятся к открытию бакалейные и сувенирные лавки: 3112 шагов. Некоторые из владельцев машут ей и здороваются, но все знают, что Вера не сможет остановиться поболтать, только не во время утренней прогулки. Однако Вера наделена безупречными манерами и поэтому на ходу выкрикивает любезности, вроде «Неплохие арбузы, мистер Гонг!» или «Наконец-то погода наладилась, сестра Жао!».

На Вашингтон она чуть сбавляет шаг перед кафе, которое возникло здесь, как прыщ, два года назад. Его открыл невоспитанный миллениал, который даже не проживает в Чайнатауне. Всякий раз, когда проходит мимо, Вера кривит губы в усмешке и про себя прокликает кафе. Само название действует ей на нервы. «Кафе». Можно представить, какая неразбериха творится в головах посетителей. *Ну что, куда сходим? В «Кафе». Да, но в какое? В «Кафе»! В КАКОЕ?* Логично, что с таким названием любое кафе давно закрылось бы. Но нет, вопреки законам логики, оно не только не закрылось, но и процветает, воруя клиентов у ближайших заведений. Частенько, когда Вера сидит в своем тихом чайном магазине, мысли о «Кафе» просто отравляют ее чудесный чай. Воистину, «Кафе» с его жутко нездоровым напитком — кофе, бр-р — это проклятье для жителей Сан-Франциско. Нет, для всего человечества.

Перед Дрэгон-Гейт, что на Буш-стрит, Вера поворачивает и шагает по Стоктон-стрит до Во-Хэй-Юэнь, где как раз начинается свое занятие группа по тай-чи. Ее муж, Цзиньлон, приходил сюда каждое утро, пока с ним не случился инсульт. Он часто призывал ее присоединиться к ним, но Вера не видела смысла в тай-чи. Слишком медленно, чтобы нести большую пользу. Эффекта примерно столько же, сколько от йоги, то есть почти никакого. Всякий раз, когда Цзиньлон заканчивал сеанс тай-чи, Вера проверяла его пульс, и число ударов ни разу не превысило восьмидесяти. Какой в этом прок? И все же, шагая вдоль Во-Хэй-Юэнь, она машет группе и старается не замечать, как щемит в сердце оттого, что среди медленных людей нет Цзиньлона. Глупая женщина, конечно, Цзиньлона там нет, он в серебряной урне в гостиной, и хватит об этом.

Первым делом после прогулки Вера прижимает большой палец к запястью и отсчитывает пульс. Насчитав внушительные девяносто два удара, усталая и довольная, она вхо-

дит в свой магазин, пересекает погруженный в полумрак зал и поднимается к себе домой. После бодрящего холодного душа съедает сбалансированный завтрак из конджи, столетних яиц* и ферментированного тофу. И наконец Вера спускается вниз и хлопочет, приводя в порядок зал, чтобы подготовить магазин к открытию.

Подростком Тилли любил указывать на ошибку в названии «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг».

— Прежде всего, о нем никто не знает, так что не такой уж он и «всемирно известный», — сказал он как-то, закатывая глаза.

Вера цокнул языком, но Цзиньлон опередил ее.

— Не совсем так, в Китае твоя мать была известна своими чаями. Многие приезжали издалека, только чтобы попробовать ее чай.

— Мхм, — Тилли это явно не убедило, и он зашел с другой стороны. — А почему он называется магазин Веры Ванг? Ты же Вера Ванг.

— А, — протянул Цзиньлон, с восхищением глядя на Веру. Это потому, что твоя мать очень умная и находчивая. Вера Ванг — очень известная женщина, даже белым людям известно это имя. И твоя мать сказала, что будет хорошо назвать магазин в ее честь.

— Это называется введением в заблуждение, папа, — фыркнул Тилли. — Вас могли бы засудить! — И затем добавил крайне язвительно: — Если бы кто-нибудь знал об этом магазине. Но раз уж никто не знает о его существовании, то какая разница.

Цзиньлон лишь рассмеялся и похлопал сына по спине.

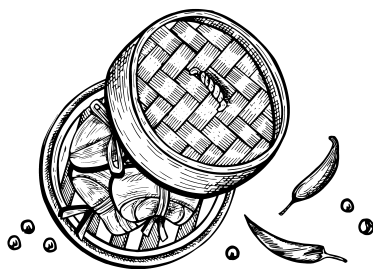
— Ох, сынок, ты столько всего знаешь про законы. Может, тебе выучиться на юриста, а?

* Популярное блюдо китайской кухни, яйцо, выдержанное несколько месяцев в специальной щелочной смеси без доступа воздуха.

Все казалось таким простым, когда между Верой и Тилли было звено в лице Цзиньлона. После его смерти отношения матери и сына медленно, но неумолимо сошли на нет. Тилли действительно поступил на юридический факультет. Теперь он младший юрисконсульт в крупной юридической фирме неподалеку от Эмбаркадеро, и его офис так высоко, что вечерами видно, как мигают огни машин на Бэй-Бридж. Не то чтобы Вера знает это — Тилли не приводил ее к себе на работу, — но ей нравится представлять, что видит сын из окна своего офиса.

«Хватит думать о Тилли», — одергивает себя Вера, снимая со стола последний стул. Она подходит к двери и меняет табличку с «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО», после чего идет за стойку и водружается на стул в ожидании посетителей.

«Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг» готов к работе.

2

Вера

По правде сказать, Тилли был не так уж далек от истины, когда указывал, что называть чайный магазин «всемирно известным» несколько самонадеянно. Это правда, что в Гуаньчжоу Вера держала магазин, который пользовался успехом как среди постоянных посетителей, так и среди приезжих, наслышанных о ее чае.

Но в Сан-Франциско, штат Калифорния, ей пришлось начинать все с нуля. В лучшие годы «Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг» привлекал изрядную долю постоянных покупателей даже несмотря на то, что уютился между прачечной «Удачная стирка» и «Кондитерской Винифред». Но клиентскую базу составляли в основном пожилые иммигранты, и с течением лет от большого потока остался ручеек, затем тонкая струйка, и теперь единственный посетитель, на которого может рассчитывать Вера, — это Алекс.

В это утро, как и в любое другое, Вера достает из комода журнал учета и бросает его на стойку. Затем надевает очки для чтения и перечитывает записи, приподнимая брови, чтобы разобрать мелкий почерк.

- 23 мая — горлянка, сушеная кожура арбуза, ягоды годжи
22 мая — лоу хан го, элитное птичье гнездо*, сахар-кандис
21 мая — обожженный ячмень, хризантема, засахаренная
кожура зимней тыквы
20 мая — соцветия османтуса, улун

Вера чуть улыбается, просматривая перечень смесей, подготовленных для своего лучшего покупателя. Ему особенно понравился жженный ячмень, и неудивительно, ведь нотки дыма прекрасно сочетаются с ванильным ароматом хризантемы и сладостью засахаренной тыквенной кожуры. Что бы приготовить на сегодня? Вера снимает очки и встает со стула. Оглядывает шкаф за стойкой.

Чайный шкаф Веры — это нечто удивительное. В нем сто восемьдесят восемь выдвижных ящичков, заполненных качественными ингредиентами, собранными на росистых взгорьях Китая. Правда, как однажды заметил Тилли в своей раздражающей манере, многие из этих ингредиентов не использовались годами и, скорее всего, испортились. Вера и сама готова признать, что тяньчи, вероятно, давно утратил былую свежесть и его пора выбросить, как и десятка два других смесей, которые она не проверяла уже целую вечность. Впрочем, это подождет до генеральной весенней уборки в ее волшебных ящичках. Просто от недостатка посетителей ей не приходилось даже задумываться об ингредиентах, о которых никто не спрашивал.

Итак, к делам насущным. Вера потирает подбородок в раздумье, затем взбирается по маленькой стремянке и выдвигает нужный ящичек. Унаби, также известные как китайские финики. Их чуть сладковатый аромат прекрасно

* Деликатес Юго-Восточной Азии. Традиционно гнезда стрижей-саланганов используются в кулинарии, но в Китае и Вьетнаме из них также готовят чайный напиток.

сочетается с... ох, и о чем она только думает? Унаби такие горячие*, а у Алекса избыток ян, он от природы излишне горяч. Значит, не стоит давать ему унаби, каким бы чудесным ни был их аромат. Вера слезает со стремянки и поворачивается к лотку на стойке, где собраны два десятка наиболее популярных ингредиентов. Да, точно, она купила пару дней назад большой пакет бобов мунг в магазине миссис Онг. Вот это уже лучше. Вера набирает мелких бобов изумрудного цвета и сыпает на традиционные китайские весы. Глядя с прищуром, как Шайна из второго сезона «Слепой любви», она подбирает идеальную порцию для Алекса и его бедолажной жены, Лили. Отвесив нужное количество, Вера насыпает бобы в сетчатый мешочек, после чего добавляет два кусочка сахара и щепотку листьев пандана и затягивает узелок. Готово. Алексу останется лишь окунуть мешочек в кипящую воду на пятнадцать минут и наслаждаться вместе с Лили чудесным, полезным напитком, охлаждающим его ян.

Словно по будильнику, звонит колокольчик над входной дверью, и появляется Алекс. Этот звук всегда вызывает у Веры улыбку. Ей нравится Алекс, последний джентльмен в их округе.

— Ни-хао**, Алекс, — здоровается она.

— Жао ан хао***, — отзывается Алекс.

На его губах привычная усталая улыбка. Он плетется к своему излюбленному столику возле окна.

— Как твои дела? Как всегда? — спрашивает Вера на мандаринском.

Попутно она наполняет пузатый чайник и ставит на огонь. Алекс всегда рад прихватить домой ее особые тра-

* В традиционной китайской медицине все продукты делятся на «холодные», «прохладные», «теплые» и «горячие».

** Здравствуй (*кит.*).

*** Доброе утро (*кит.*).

вяные чаи, но никогда не отказывается и от своей утренней порции Тегуаньинь, что переводится как «Железная богиня милосердия». Это разновидность улуна из провинции Фуцзянь, хотя по вкусу он не имеет с улуном ничего общего. При первом соприкосновении с языком ощущается сильная горечь, но стоит лишь сделать глоток, как рот наполняет восхитительная сладость, тонкая и благодатная. Это один из любимых чаев Веры, и она старается заваривать его по всем правилам.

Когда закипает вода, Вера достает маленький керамический чайник и две чашки размером со стопку. Ставит все на сушилку рядом с мойкой и поливает кипятком, пока чайник и чашки не становятся обжигающе горячими. Быстро представляет их на поднос и насыпает немного Тегуаньинь в чайник, после чего заливает горячей водой. Первую заварку она сливает, потому что та призвана лишь ошпарить листья, затем снова заливает горячей водой и несет поднос к столу.

Алекс с улыбкой смотрит, как Вера наливает им обоим чай. Изящным движением он подносит чашку к губам, едва касаясь кромки, чтобы не обжечься, и делает глоток. Он глубоко вдыхает и с блаженством закрывает глаза.

— М-м, никто так не умеет заваривать чай, как ты. Лили очень скучает по твоему магазинчику.

«Бедная Лили», — в миллионный раз думает Вера. По меньшей мере несколько раз в день, когда вспоминает Алекса, Вера издает слабый вздох и думает: «Бедная Лили». Год назад ей диагностировали болезнь Альцгеймера, и недуг быстро прогрессировал до такой степени, что Лили не выходит больше из дома. Алекс отказывается доверять любимую жену чьим-то заботам, избрав жизнь затворника. Единственное, что Алекс позволяет себе, это посидеть десять минут в чайном магазине Веры, пока Лили спит. Он в буквальном смысле ставит таймер на случай, если они с Верой увлекутся беседой. Он даже не ходит за покупками. Один из его сыновей — тот, что ответ-

ственной, — закупает продукты по воскресеньям и оставляет пакет у двери. С этого Вера и решает начать разговор этим утром, поскольку Алекс выглядит особенно усталым, и Вера знает, что упоминание о сыне приободрит его.

— Расскажи, как дела у Факаи?

Факаи означает «излучающий изобилие», замечательное имя, которое принесло сыну Алекса большую удачу. Вера одобряет такое и мечтает, чтобы Тилли тоже использовал свое китайское имя.

Как и следовало ожидать, Алекс улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки.

— О, хорошо, просто чудесно. Боги и впрямь на его стороне. Он в таком хорошем настроении в эти дни, говорит, дела идут как нельзя лучше.

— Ну еще бы, — Вера кивает, прихлебывая чай. — Иначе и быть не могло с такими родителями, как вы с Лили.

Нет, Вера не льстит Алексу, как делают многие китайцы преклонных лет. Она в самом деле считает, что в основе успехов человека лежат упорный труд и самопожертвование родителей.

Вера запоздало осознает свой промах. Улыбка на лице Алекса тает, и он опускает глаза.

— Хотел бы я согласиться с таким утверждением, но для второго сына, Цзяньчэна.

Цзяньчэн означает «сила и твердость», но из того, что Вера знает о втором сыне Алекса, ему не присущи ни сила, ни твердость.

— Тяжело слышать это, но я разделяю твою горечь. — Она столько раз жаловалась в их разговорах на Тилли и столько раз сыновья их разочаровывали, что между Верой и Алексом сложилась подлинная дружба. — Сегодня утром я проснулась и отправила Минджину сообщение, проснулся ли он, но до сих пор не получила ответа. Кто бы стал проявлять столько заботы о взрослом сыне и писать ему каждое утро? Но разве ж он это ценит?

Алекс фыркает и качает головой.

— Молодежь, они не понимают, на какие жертвы мы шли ради них. Когда я был молодым, родители никогда не просыпались раньше меня. Нет, я всегда вставал раньше и чистил отцу ботинки. Мой отец никогда не ходил на работу в грязных ботинках, и все благодаря мне.

— Вот именно! — восклицает Вера, энергично расправляя плечи. — Об этом я и хочу сказать. Каждое утро я готовила родителям горячий завтрак. Ха! Нынешняя молодежь даже не задумывается, как им повезло.

— Лили всегда их баловала, — взгляд Алекса смягчается. — Говорила, что они ведут себя как нормальные американские дети, а разве мы не этого хотели?

Вера вздыхает.

— Да, Лили права.

Они с тоской смотрят в свои чашки.

— А как дела у Лили?

Вера терпеть не может этот вопрос, поскольку за последние полгода не слышала ничего положительного, но считает своим долгом спросить.

Алекс сникает.

— Все так же.

И это означает, что у нее лишь изредка случаются мгновения ясности. Теперь, когда Лили бодрствует, то значительную часть времени велит Алексу держаться подальше от нее и требует привести к ней мужа. Это лишает Алекса жизненных сил. Сейчас единственные источники радости для него — сын Факаи и эти мимолетные встречи с Верой. Но время неумолимо истекает, и Алекс допивает остатки чая. Вера спешит к стойке и берет приготовленный для него мешочек.

— Вот, — она кладет мешочек ему в руку. — Бобы мунг и пандан. Заваривать пятнадцать минут, или двадцать, если захочешь более насыщенный вкус.